

Перевод имплицитного отрицания как средства выражения субъективной модальности

Предметом данного исследования является перевод имплицитного отрицания как средства выражения субъективной модальности.

Источником примеров послужил роман Ч. Диккенса «The Posthumous Papers of the Pickwick Club». В качестве материала для анализа были выбраны иронические сверхфразовые единства. Данный выбор был обусловлен тем фактом, что ирония в полной мере зависит от контекста и может быть адекватно интерпретирована лишь на уровне предложения или высказывания.

A fat lot I care! Импликацией иронии является: *I don't care about it.*

Like hell I will! Импликацией иронии является: *I will not.*

В основе интерпретации имплицитно выраженного отрицания находятся лингвистическая и логическая presuppositions. В этом смысле существенными представляются наблюдения П. Ньюмарка, в которых он указывает на определяющую роль подтекста в процессе перевода, а также подчеркивает необходимость разумного соотношения между поверхностными и глубинными структурами высказывания [1].

Таким образом, актуальность исследования обусловлена следующими соображениями:

1. В процессе коммуникации присутствует значительная доля высказываний с имплицитной составляющей.

2. Имплицитный смысл, возникающий в высказывании, не является одноплановым явлением. В соответствии с установленным Ш. Балли разделением диктальной и модальной сторон высказывания имплицитный смысл может быть диктальным и модальным [2].

Однако, не все высказывания обнаруживают отношения контраста между поверхностным и глубинным уровнями – только стилистически значимые. Задача переводчика состоит в том, чтобы «... to work out implied meanings in translation in order to get the ST message across. ... is to recreate the author's intention in another culture in such a way that enables the TC reader to understand it clearly» [3].

3. В основе имплицитного отрицания лежит принцип контрастного столкновения, сохранение которого становится переводческой проблемой при передаче высказывания средствами другого языка.

Другими словами утвердительные высказывания могут иметь отрицательные значения, а отрицательные высказывания могут получать положительную интерпретацию в определенной коммуникативной ситуации:

АИТ: – *Oh – you remember me, I suppose? said Mr. Pickwick.*

– *I should think so,* replied Sam, with a patronizing win. [4].

РПТ: – *А... надеюсь, вы меня помните? – осведомился мистер Пиквик.*

– *Как не помнить!* – ответил Сэм, покровительственно подмигнув [5].

ФПТ: – *Ha! ha! vous me reconnaissez, je suppose? lui dit M. Pickwick.*

– *Un peu! répliqua Sam avec un clin d'oeil protecteur* [6; 7].

Для сохранения смыслового содержания высказывания ИТ переводчик применяет в РПТ: 1) синтаксическую транспозицию: простое двусоставное повествовательное предложение «*I should think so*» трансформируется в односоставное восклицательное «*Как не помнить!*»; 2) антонимический перевод; 3) опущение местоимения «*I*».

Применение данных трансформаций в РПТ продиктовано целью сохранения основной функции диалога – коммуникативно-прагматической. Другими словами, на синтаксическую структуру простого двусоставного предложения «*I should think so*» наслаивается дополнительная экспрессивно-стилистическая функция, которую необходимо сохранить в переводе.

Ироничная модальность во ФПТ передается при помощи целостного преобразования «*Un peu!*» («*А как же!*»). По справедливому замечанию Я.И. Рецкера, специфика живой разговорной речи чаще всего требует целостного преобразования при переводе [8]. Уместность использования целостного преобразования во ФПТ обусловлена необходимостью отражения прагматического содержания высказывания, а также узусом, который формирует поверхностную структуру мысли на языке перевода.

В обоих приведенных вариантах выбор переводческого решения продиктован экстралингвистической действительностью, т.е. предметом и ситуацией общения. Выражение «*I should think so*», рассмотренное отдельно от контекста, может быть переведено «по-Хомскому»: «*Мне так и следует считать*», «*Я должен думать таким образом*» и т.д. Подобный перевод не отвечает условиям экстралингвистического контекста, а значит, не может считаться адекватным.

Междометия, являясь важным элементом живой разговорной речи, могут быть носителями имплицитного отрицания.

АИТ: – *You wouldn't mind selling it, now?*

– *Ah! but who'd buy it?* inquired the man

РПТ: – *Не согласитесь ли вы его продать?*

– *Да кто ж его купит?* – спросил работник

ФПТ: – *Vous ne seriez pas fâché de la vendre?*

– *Ah! ben oui! qui voudrait l'acheter?* répondit l'homme

Переводческий комментарий: в РПТ в первом случае опущение междометия “Ah!”, во втором случае буквальный перевод.

Во ФПТ: в первом случае закономерная передача английского “Ah” французским “Ah”; добавление “*ben oui*” с целью эмфатизации; в третьем случае (“*qui voudrait l'acheter*”) перевод по пятому уровню эквивалентности В.Н Комиссарова (дословный перевод).

При переводе междометий необходимо учитывать их функции, как в плане речевой характеристики персонажей, так и с позиций акцентирования эмоционально-оценочных значений высказывания. В приведенном выше примере набор вариантов передачи этого класса слов колеблется от опущения этих элементов до узуальных замен, позволяющих эксплицировать их смысл.

АИТ: – *Eh? said Mr. Magnus; and then he repeated the sneer with increased effect. But you shall answer it, Sir! (1)*

– *Answer what? said Mr. Pickwick.*

– *Never mind, sir, (2) replied Mr. Magnus, striding up and down the room. Never mind. (3)*

РПТ: – *He так ли? – сказал мистер Магнус, и улыбка его сделалась еще более саркастической. – Но вы не заплатите за это, сэр! (1)*

– *Поплачусь? За что? – спросил мистер Пиквик.*

– *Помалкивайте, сэр, (2)– ответил мистер Магнус, шагая по комнате. – Помалкивайте! (3)*

ФПТ: – *Eh? dit-il, sur nouveaux frais en répétant son ricanement, avec un effet redoublé. Mais vous m'en répondez, monsieur! (1)*

– *De quoi répondrai-je? demanda M. Pickwick.*

– *Ne vous inquiétez pas, monsieur! (2) vociféra M. Magnus en arpentant la chambre; ne vous inquiétez pas! (3)*

Перевод выделенной транслемы (1) в РПТ не выходит за пределы закономерных соответствий: сочетание *you+shall* используют для обещаний и угроз. Поэтому конкретизация значения глагола “*answer*” = «*оплатиться*» представляется удачной. ФПТ в этом смысле проигрывает РПТ, т.к. при переводе полностью сохранена поверхностная структура высказывания ИТ без учета прагматического намерения угрозы. (*But you shall answer it, Sir!* = *Mais vous m'en répondez, monsieur!*)

Транслемы (2), (3) в РПТ относятся к постоянным словарным соответствиям: «*never mind*» = «ничего, не беспокойтесь, не обращайтесь внимания». Решение на перевод в этом направлении могло бы привести к абсурду: ответная реплика не соответствует заданному тону общения. Адекватность перевода достигается с учетом двух факторов:

– ситуационный контекст способствует раскрытию коммуникативно-прагматического эффекта высказывания (угроза);

– комплексная трансформация (антонимический перевод в сочетании с целостным переосмыслением) позволяющая эксплицировать имплицитную информацию.

Во ФПТ при переводе транслем (2), (3) сохранена поверхностная структура ИТ без интерпретации внутреннего содержания. Отмеченные потери информации позволяют утверждать: проявление субъективной модальности в переводе не вполне адекватно передаёт замысел автора

Выводы:

1. Очевидным является тот факт, что при переводе имплицитного отрицания сложность вызывает не только воспроизведение стилистического и коммуникативно-прагматического эффекта указанных единиц, но и сохранение соотношения эксплицитности/имплицитности в тексте перевода.

2. На максимально возможную степень близости смысла подтекста оригинала и перевода оказывает влияние ряд лингвистических и экстралингвистических факторов:

– характер переводимого текста (в данном исследовании диалогическая речь персонажей художественного произведения);

– необходимость воспроизведения функции исходного высказывания и стремление вызвать у рецептора перевода определенное отношение, сходное с отношением рецептора оригинала.

3. Проведенный анализ позволяет утверждать, что проблема воспроизведения имплицитного отрицания требует дальнейшей разработки с последующим выявлением номенклатуры переводческих приемов, задействованных при работе с данным типом информации.

Литература

1. Newmark, Peter. A Textbook of Translation. – Longman, 2003. – 292 p.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы франц. языка. – М.: Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.
3. Baker, Mona. In Other Words: a Coursebook on Translation, London: Routledge. 1992. – 317 p.
4. Dickens, Charles. The Pickwick Papers. Paw Prints, 2008 – 558 p.
5. Диккенс Ч. Посмертные записки Пиквикского клуба. Пер. с англ. А.В. Кривцова, Е. Ланн. – М.: Худож. лит., 1984. – 750 с.
6. <http://www.gutenberg.org/files/13771/13771-8.txt>.
7. <http://www.gutenberg.org/files/14789/14789-8.txt>.
8. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика: Очерки лингвистической теории перевода. – М.: РВалент, 2004. – 240 с.
9. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. – Л.: Просвещение, 1981. – 295 с.
10. Nida, Eugene A. Towards a Science of Translating, Leiden: E. J. Brill., 1964. – 331 p.